

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-460-463

КУЛЕШОВА Инна Алексеевна,
старший преподаватель кафедры ПРЭД
Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: iakuleshova@fa.ru

СМАРТ-КОНТАКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового положения смарт-контрактов в современном гражданском праве, определены подходы к правовой природе смарт-контрактов, исследована сущность данной договорной конструкции, а также представлено исследование сущности такого признака смарт-контракта как «самоисполнение».

Ключевые слова: смарт-контракт, самоисполнение смарт-контракта, исполнение посредством технологии блокчейн, правовая природа смарт-контракта.

KULESHOVA Inna Alekseevna,
Senior Lecturer, Department of Economic Development
Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

SMART CONTRACTS IN MODERN CIVIL LAW: ON THE ISSUE OF CONCEPT AND LEGAL NATURE

Annotation. This article analyzes the legal status of smart contracts in modern civil law, defines approaches to the legal nature of smart contracts, examines the essence of this contractual structure, and presents a study of the nature of such a smart contract characteristic as "self-execution."

Key words: smart contract, self-execution of a smart contract, execution by blockchain technology, legal nature of smart contract.

Развитие информационных технологий и стремительная цифровизация экономики определяет актуальность трансформации договорных конструкций. Одним из таких нововведений в сфере договорного права стало правовое регулирование смарт-контрактов.

Распространение технологии блокчейн также оказало существенное влияние на использование смарт-контрактов в современных гражданских правоотношениях. Существенное влияние на популяризацию данного вида способа исполнения договора оказало и закрепление в Гражданском кодексе РФ (далее по тексту – ГК РФ) информационных прав как объекта.

Правовой основой для реализации смарт-контрактов в РФ служит ФЗ №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], который содержит правовое регулирование цифровых активов, цифровой валюты, а также правила обращения и выпуска цифровых активов на

специализированных платформах, их обращение, требования к операторам информационных систем.

Как правило, смарт-контракты принято рассматривать с двух точек зрения, во-первых, с точки зрения их правовой природы; во-вторых, с точки зрения практической реализации.

С точки зрения правовой природы возникает особенно большое количество споров и разнообразных подходов к определению смарт-контракта. Так, По мнению Белых В.С., Болобоновой М.О., смарт-контракт является соглашением, «определяющим права и обязанности сторон, где условия и исполнение (или обеспечение исполнения) автоматизированы с помощью специальной программы, подразумевающей алгоритм, заложенный в смарт-контракте.» [2]

Исходя из данного определения, следует, что с использованием технологии смарт-контракта могут оформляться и исполняться не только основные договоры, но и дополнительные соглашения к ним. При этом действующее законода-

тельство не содержит прямого запрета на заключение таких дополнительных соглашений посредством смарт-контракта.

Однако, стоит отдельно уделить внимание вопросу о том, можно ли говорить именно о «заключении» как этапе договорных правоотношений в форме смарт-контракта или же речь идет исключительно об «исполнении» посредством особых технологий «самоисполнения», чем и является по своей сущности смарт-контракт.

Договор, исполняемый посредством заключения смарт-контракта, заключается, в письменной (электронной) форме, однако, именно порядок его исполнения и отличает его от «стандартной» письменной (в том числе электронной) формы сделки. Самоисполнение происходит за счет заведомо определенного порядка совершения алгоритма действий, заложенных в компьютерном коде, при последовательном соблюдении которых непосредственно и происходит исполнение указанного в договоре обязательства.

Совершение действий осуществляется, как правило, посредством использования технологии блокчейн и, в связи с этим, возможно только по заведомо определенному сценарию, таким образом исполнение наступает только в этом случае, без активного участия действий сторон договора или третьих лиц.

Таким образом, сущность смарт-контракта заключается именно в исполнении посредством данных технологий, следовательно, и самоисполнение есть ни что иное, как процесс, позволяющий перейти от одного этапа договорных отношений к другому (исполнение, подтверждение факта принятия выполненных работ или оказанных услуг, передачи товара и т.д.).

Таким образом, смарт-контракт не автономен от воли субъекта-участника данных договорных правоотношений.

А.И. Савельев указывает, что по своей сущности смарт-контракты стоит относить к договорам присоединения. [3] Автор обосновывает данный вывод тем, что одна сторона разрабатывает условия смарт-контракта, а остальные участники посредством присоединения принимают указанные условия.

При этом, не всегда одна сторона обязательства предлагает и разрабатывает содержание смарт-контракта, в отдельных случаях все участники изъявляют свою волю посредством определения существенных условий договора (предмета и ряда других, признаваемых в качестве существенных), а остальные условия определяются третьими лицами, оказывающими услуги по предоставлению доступа к системам для осуществления договорных правоотношений посредством смарт-контрактов.

Вопрос о правовой природе все еще носит спорный характер, и, как уже было представлено выше, единого подхода в научной среде в настоящее время нет.

Можно выделить три основные теории о правовой природе смарт-контрактов.

Первая основывается на том, что данный вид договора является самостоятельной формой договора. Стоит отметить, что речь идет именно о форме договора, а не о его виде.

С точки зрения исследования, понятие «форма договора» в отрыве от отдельного вида обязательства в цивилистике не изучалось. Анализ подвергались либо же правовое регулирование формы сделок, либо форма отдельного вида обязательства. Самостоятельность формы договора, заключаемого и исполняемого посредством смарт-контракта, обосновывается тем, что такой договор представляет собой соглашение, выраженное в программном коде, содержит все существенные условия соответствующего обязательства и направлен на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Проблема данного подхода заключается в том, что программный код сам по себе не отражает волю сторон. Следовательно, код не может рассматриваться в качестве самостоятельного договора, а выступает лишь одной из форм реализации письменной формы договора.

Сущность второй позиции основывается на том, что смарт-контракт является скорее способом надлежащего исполнения обязательства, которое ранее было выражено в любой не противоречащей закону и воле сторон форме.

Само исполнение смарт-контракта связано с наличием в нем определенного кода, содержащего алгоритм действий, которые последовательно осуществляются при наступлении предшествующего события или действия.

Данный подход все чаще находит отражение в научных работах, однако, и у данного подхода имеются критики, в частности, считается, что раз смарт-контракт является исключительно неким посредником для реализации одного из способов исполнения обязательств, то его стоит относить к обычному действию, не порождающему гражданско-правовые последствия как таковые. Аналогично с доставкой товара силами продавца, отгрузка товара, передача товара и иные аналогичные способы исполнения. Иными словами, само содержание договора осуществляется сторонами посредством устной или (чаще) письменной (в том числе электронной) форме, а его исполнение уже осуществляется посредством смарт-контракта.

И третья позиция, основывается на том, что авторы отмечают смешанную правовую природу

смарт-контракта и рассматривать его стоит не только с юридической, но и с технической точки зрения. Таким образом, данные авторы называют смарт-контракт комплексным явлением, «технико-юридическую» конструкцию.

Последний подход наиболее полно отражает современную практику применения смарт-контрактов, при которой одних лишь юридических знаний недостаточно для правильного понимания порядка исполнения обязательства. Для его корректного толкования необходимо также детально изучить техническую сторону вопроса, в частности особенности алгоритма программного кода, лежащего в основе исполнения смарт-контракта.

Стоит также отметить, что смарт-контракт существенно отличается от существующих договорных конструкций не только своей формой выражения, но и особенностями отказа от исполнения обязательства, а также невозможностью вносить в дальнейшем изменения после начала его исполнения. В нем фактически отсутствует «человеческий фактор», вследствие которого возможно нарушение исполнения (в том числе ненадлежащее исполнение) обязательства.

Отдельные авторы [3] относят смарт-контракты к категории объектов права интеллектуальной собственности с точки зрения такого объекта, как программа для ЭВМ.

При анализе положений ст. 1261 ГК РФ и данного мнения можно видеть несоответствия положениям действующего законодательства, согласно которому специальный код или программа являются объектами права интеллектуальной собственности, однако, само правоотношение, основанное на использовании смарт-контракта объектом авторского права с точки зрения положений ст. 1261 ГК РФ быть не может.

В данном случае правовая охрана распространяется именно на форму выражения соответствующего программного решения, то есть на код, а не на те гражданско-правовые последствия, которые возникают в результате его применения. Следовательно, необходимо разграничивать смарт-контракт как технический алгоритм, способный выступать объектом интеллектуальных прав при наличии признаков программы для ЭВМ, и смарт-контракт как способ оформления или исполнения договорного обязательства, который не может рассматриваться как объект авторского права.

На сегодняшний день в правоприменительной практике существует не так много примеров, размещенных в открытом доступе, в которых бы анализировалась сущность смарт-контракта. Первым решением суда по делу, в котором спор возник на основании договора, заключенного посред-

ством смарт-контракта с применением технологии блокчейн является решение Арбитражного суда Омской области по делу №А46-499/2019. Суд установил, что стороны пришли к соглашению о том, что «подписание сторонами блокчейн-контракта осуществляется путем обмена информацией в электронном виде, подписанной простой электронной подписью стороны». Судом также было установлено, что сторонами согласован порядок направления оферты и порядок ее акцепта исключительно посредством блокчейн технологий. При этом, в качестве подтверждения заключения соглашения определили снимки экрана, содержащего сообщение стороны, свидетельствующей о заключении блокчейн-контракта. Арбитражный суд посчитал такой способ заключения договора действительным, таким образом, подтвердив легитимность смарт-контрактов в РФ [5].

Поскольку в настоящее время отсутствует единый подход к определению как правовой, так и технологической природы смарт-контрактов, а также отсутствует единое легальное определение смарт-контрактов, то подходы к пониманию данного явления могут отличаться. В том числе, это связано с тем, что исследованием смарт-контрактов занимаются не только правоведы, но и экономисты и специалисты технического профиля.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России / Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 42.

[3] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. №3. С. 36.

[4] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 105.

[5] Решение Арбитражного суда Омской области по делу №А46-499/2019 от 27.05.2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b03f81e7-c92b-4f0a-b0fb-4b7d125ef6a3> (дата обращения: 15.03.2026).

References:

[1] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 No. 259-FZ2 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (date of access: March 15, 2026).

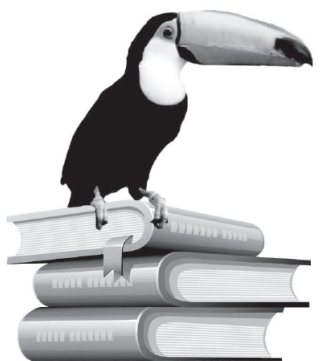
[2] Belykh V.S., Bolobonova M.O. Problems of legal regulation of smart contracts in Russia / Legal regulation of economic relations in the modern conditions of the development of the digital economy / eds. V.A. Vaypan, M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2019. P. 42.

[3] Savelyev A.I. Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law // Bulletin of Civil Law. 2016. No. 3. P. 36.

[4] Savelyev A.I. Certain legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law // Zakon. 2017. No. 5. P. 105.

[5] Decision of the Arbitration Court of Omsk Region in case No. A46-499/2019 dated May 27, 2019 // Arbitration case index. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b03f81e7-c92b-4f0a-b0fb-4b7d125ef6a3> (accessed: March 15, 2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.